

Управление культуры Белгородской области
Региональное отделение Союза писателей России
Белгородская государственная универсальная научная библиотека
Культурный центр

Современная литература Белгородчины

Материалы научной конференции

16 декабря 2008 года

Белгород 2009

Содержание

Предисловие	2
Кулакова И. И. Пять десятилетий Белгородской поэзии: лирический герой и его трансформация	4
Кулабухова М. А. Литература Белгородчины: аксиологический ракурс истолкования	11
Новикова Т. Ф. Культуроведческий потенциал произведений белгородских авторов	19
Приставкина Т. А. Литературное краеведение Белгородчины: традиции и перспективы развития в региональном культурно- образовательном пространстве	22
Заикина А. И. Пространственная картина мира в текстах белгородских поэтов	24
Кулабухова В. А. Слово Белгородчины и аудиовизуальное искусство	28
Соломахина Л. П. Макаров Ю. И. «Колдовские слова»: проблематика и поэтика сборника стихов для детей	33
Немцева Т. Формы представления автора в текстах белгородской поэзии	37
Куликова И. Патриотизм как доминанта творчества Л. Т. Кузубова	40
Фрицлер Н. Ценностные приоритеты писателя В. М. Шаповалова	47
Присухина А. Мифологемы природы в творчестве Е. Ф. Дубравного	53

Предисловие

Белгородская литература занимает видное место в современной отечественной литературе. Доказательством этому стала научная конференция «Современная литература Белгородчины», организованная в Белгородской государственной универсальной научной библиотеке по инициативе управления культуры Белгородской области, регионального отделения Союза писателей России. В форуме приняли участие белгородские писатели, ученые-филологи, преподаватели и студенты вузов Белгорода, ведущие специалисты библиотек области.

Впервые научная конференция стала завершающим этапом в проведении традиционных Дней литературы на Белгородчине, цель которых — популяризация чтения и привлечение внимания к творчеству белгородских писателей. Устойчивые, многоаспектные связи человека и литературы, рожденной на его родной земле, позволили актуализировать роль литературы Белгородчины в развитии культуры региона и России в целом, выявить ее типические и специфические черты.

Конференция была представлена не только докладами, она также сопровождалась примерами из поэтических и прозаических текстов, презентациями. Таким образом, спектр исследовательских подходов к поставленной проблеме оказался достаточно широк:

- литературная Белгородчина в контексте развития литературных процессов;
- культуроведческий потенциал текстов белгородских авторов;
- темы патриотизма в современной литературе Белгородчины;
- пространственная картина мира белгородской поэзии.

Участники мероприятия отметили, что в условиях противостояния наступательной глобализации, сохранения государственных, национальных, региональных ликов культуры особую значимость приобретает литература провинции. Прежде всего — в силу своей укорененности в традиции. В

произведениях литературы, принадлежащих перу наших земляков, утверждали докладчики, Белгородчина предстает как центр мира, в частности, становится им в минуты смертельной для России опасности. Участники форума констатировали: в культурно-образовательном пространстве Белгородчины местный литературный процесс, жизнь и творчество выдающихся писателей-земляков находятся в центре внимания ученых, педагогов-практиков, музейных сотрудников, краеведов.

Широкое поле тем, заявленных на конференции, стало свидетельством не только преемственности в мире литературы, но и значительного научного потенциала всех заинтересованных в её изучении.

Первая научная конференция «Современная литература Белгородчины» оценена председателем регионального отделения Союза писателей России В. Е. Молчановым как доброе начинание, требующее дальнейшего развития. По его мнению, доклады участников представляют значительный интерес, и проведение подобных конференций должно стать традиционным.

И. И. Кулакова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы и
методики преподавания БелГУ

Пять десятилетий Белгородской поэзии: лирический герой и его трансформация

Современный Белгород богат поэтами, литературными студиями, поэтическими страницами в периодических изданиях, сборниками и солидными томами, содержащими поэтические тексты. Заметим, что любая литературная систематизация и периодизация условны и схематичны. И в этих небольших заметках нет претензии на полный обзор белгородской поэзии за полстолетия ее оформленного существования, здесь только попытка проследить изменение лирического героя, точнее — наметить его пунктиром. В поле зрения окажутся три поколения поэтов — старшее, среднее и... начинающее.

Лирический герой в поэзии — категория изученная, но когда речь ведется о современной литературе (создающейся не только *сейчас*, но и *здесь*), она попадает в разряд усложненных и трудно описываемых. Между тем стоит еще раз повторить прописные истины: «для нас уже неприемлемо некогда бытовавшее понимание лирики как непосредственного выражения чувств данной единичной личности. Подобное непосредственное выражение было бы не только не интересно (если бы речь действительно шла об *одной* личности), но и невозможно, поскольку искусство — это опыт одного, в котором многие должны найти и понять себя» (Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Л. : Советский писатель, 1974. — С. 47). И еще: «образ лирического героя создается поэтом, как всякий образ с помощью отбора жизненного материала, типизации и художественного вымысла». Итак, ориентиры прочерчены достаточно отчетливо.

Невозможно представить поэтическую карту нашего края без поэзии Игоря Чернухина. Он — лирик, которому не чуждо происходящее в большом мире и в большой литературе, не подчинен только одной узкой теме, именно поэтому интересен читателю на протяжении всего своего творческого пути. Герой Чернухина притягивает своей искренностью и истинностью. В сборнике его стихотворений проступает характер, биографическими чертами связанный с автором и страной, но все же обобщенный, близкий всеобщностью переживаний каждому читателю. Индивидуален поэт, и его герой становится близок и в силу этого и благодаря тому, что настоящая поэзия через частное способна выразить близкое всем: «только настоящий поэт, целиком и без остатка отдающийся своим мыслям и чувствам по поводу данной темы, способен заразить вас «событийностью» ее переживания» (Сильман Т. Заметки о лирике / Т. Сильман. — М. : Советский писатель, 1977. — С. 23). Объемный мир поэта наполнен образами классики и деталями реальной жизни, которые естественно «рождают» то обобщение, которое необходимо для полноты восприятия смысла стихотворения.

Поэт и его лирический герой живут в конкретном локусе, приметы его известны и дороги белгородцам — меловые горы, реки и речки со знакомыми с детства названиями, деревни и села, однако их мир — Россия, Земля, Вселенная, их волнует не только история края, но и история человечества, не только будущее окружающего, но и будущее как категория философская. Думается, менталитет героя сформирован не в узком мирке мелких забот, требований и желаний, а в широком пространстве мировой культуры, в традициях отечественной литературы, которая прежде всего была совестлива и исповедальна. Поэтому стихотворений с библейскими образами и ритмами молитвы с годами становится больше, но нет в них нарочитости и конъюнктурщины, они так же искренни и органичны, как и стихи, посвященные женщине, дочери, внучке, родному городу: «Не поздно, не поздно, не поздно / Себя удержать на краю. / И жить в покаянье. / А после / Взойти на Голгофу свою» (Чернухин И. А. Стихотворения. Баллады. Поэмы / И. А. Чернухин. — Белгород : Отчий край, 2003. — С. 42).

По-иному звучат поэтические строчки Владимира Михалева, всю жизнь свою посвятившего стихам и дому, родным просторам, которые он исходил с пастушьим посохом и стадом. Его лирический герой не замкнут на быте и не отгорожен от большого мира околицей своего села — он, сохраняя свою самобытность, смело открывает для себя пространство и время человечества. Герой патриархален, ценности его — это ценности человеческой жизни, прожитой на своем месте, в гармонии и радости, порой вопреки невзгодам. Честность — одна из особенно почитаемых поэтом ценностей, поэтому любовь и поэзию он сопоставляет и меряет их единой мерой — сердечностью: «Чем ты жива, любовь извечная, / Тем и поэзия жива!.. / И ей к лицу слова сердечные, / А не усердные слова» (Михалев В. Радость / В. Михалев. — М. : Молодая гвардия, 1976. — С. 27).

Сверстники Владимир Молчанов, Николай Грищенко, Валерий Черкесов — следующее поколение поэтов-белгородцев. Разные индивидуальные судьбы — следовательно, разные лирические герои, разные ритмы, настроения, мировоззрения при общности судьбы поколения, пережившего потрясения перемен, развала страны, в которой выросли, тематическая общность, обусловленная постоянным интересом всякого пишущего стихи к вечным вопросам любви и ненависти, вере и безверью, к природе, родной земле, России.

Владимир Молчанов родился на Белгородчине, и его талант питает выросшая его земля. Ему дорого ее прошлое, настоящее и будущее. В прошлом его привлекает подвиг, совершенный земляками, настоящее растущего и процветающего края дает все основания верить в поистине светлое будущее. Это главная тема лирики.

Центральным циклом в его сборнике 2002 года представляется венок сонетов «В моей судьбе останется навек...». Лирический герой этого цикла — философски и мудро мыслящая личность. Жизнь и смерть, память и забвение, смысл существования на земле, кратковременность отпущенного человеку времени для его земного пребывания, любовь материнская и сыновья, чувство вины, преодоление боли потери во имя жизни — этот круг вопросов волнует alter ego поэта. Возникает мысль о том, что именно здесь обнаруживается та степень

исповедальности, которая позволяет говорить о максимальном сближении поэта и его лирического образа: «Какая боль... / Дрожит вода от ветра / В дубовой бочке, налитая всклень. / А ты лежишь строга и безответна. / Скребется в окна ветками сирень. / Холодный свет мерцающей лампы, / Цветы, цветы... из твоего же сада, / Слепая бледность неподвижных век». Тема смерти близкого человека открывает в поэте глубоко и серьезно чувствующего нашего современника.

Николай Грищенко тоже связан с Белогорьем своими корнями. Его лирическому герою внятна тишина и покой мира природы, а жизнь его проходит в тесноте и шуме города. Но не только антитеза как принцип мировидения свойственен герою Грищенко: он ищет ответ на важные вопросы бытия в более сложных проявлениях человека и его окружающих сфер. Поэтому он обращен к Богу, он идет в храм, и этот путь приносит умиротворение, ощущаемое лирическим героем во всем Божьем мире: «Кипарисы – зеленые свечи, / Что Господь зажигает над миром, / Чтоб исполнился род человеческий / Красотой и духовною силой... / И оттуда, с заоблачной выси, / К нам нисходят святые слова / От того, кто за нас помолился / И за светом в дорогу позвал...». Страсть поэта к многоточиям объяснима тем, что он не спешит к абсолютной окончательности и завершенности: в своих соприкосновениях с жизнью, выраженных в слове, интонации, ритме и рифме, он ищет то, что гармонизирует мир и человека, что поможет самому себе сказать правду, быть при этом искренним, а значит, он ищет путь к истине.

Истину в книгах своих стихов обретает и Валерий Черкесов, приехавший в наш город четверть века назад. Этот поэт, в отличие от представленных здесь традиционалистов, по-иному слышит время. Стихам его свойственна ироничность (порой ее недостает в стихах других белгородских поэтов), сложность рифмовки, он старается найти новую форму строки и строфы. Его лирический герой смотрит на мир как на неизбежное соединение непредсказуемо разных состояний, как на смещение в принципе не сочетаемого по существующим где-то законам гармонии. Вот его «презентация» братства поэтов-современников: «Пасынки великой литературы, выросшие, как сорняки, в среде, из которой выходят чаще воры, чем

поэты, мы надрываем голос, надсаживаем душу, пытаюсь доказать свое право на существование. Но, увы, Отечество глуховато». Как всякое поэтическое высказывание, это миниатюрное стихотворение имеет множество толкований: дело за читателем и его читательской компетентностью. Но лексика, интонация не оставит никого безразличным, а пробудить чувства в равнодушном, задеть за живое — это уже успех. Культурный контекст его творчества расширен включением цитат, эпитафий, посвящений. Предшественники и современники, признанные классики и не столь известные поэты — вот арсенал, неоспоримо обогащающий стихотворения Черкесова. Его же лирический герой со своей усмешкой над собой и над всеми так и норовит попасть то в интеллектуалы, то в неформалы, то в оригиналы: и содержание, и форма соответствуют замыслам, и стихи его читаются и находят отклик у каждого, кто готов читать, слушать, понимать поэтическое слово.

Поистине, в «краю белгородском» осуществилась давняя мечта Маяковского: «Много поэтов — хороших и разных...». Они профессионалы, члены Союза писателей. Их печатают, читают, слушают, соглашаются и спорят читатели, вводя лирических героев названных поэтов в контекст своей жизни...

Согласитесь, что движения в любом явлении нет, если нет перспективы, состоящей из новых имен, новых — и «иных» — людей. Среди тех, кто *начинает* сегодня, стоит обратить внимание на стихотворения двадцатилетнего юноши Максима Бессонова. В его годы стихи пишут многие. Но в том, что Бессонов себя позиционирует поэтом, проявлена не его повышенная самооценка, за которую его можно было бы пожурить, а бессознательное понимание своей причастности поэзии как призванию. Судить об этом преждевременно, но попытаться понять, кто приходит в поэзию, необходимо.

Он человек иной эпохи, но интересен именно тем, что его «пробы пера» лежат не в плоскости поэзии постмодернизма, концептуализма или андеграунда. Лирический герой времени нанотехнологий у поэта, выросшего в постперестроечную эпоху, отмечен чертами, общими с его — новым! — поколением, и одновременно традиционно лиричен, его мироощущению

свойственно восприятие себя как части общероссийского пространства, как личности, наделенной чувством родины, способностью любить, испытывать весь спектр настроений и переживаний. Примечательно чрезвычайно — его слушают те, кому 15–16 лет, с обескураживающим наблюдателя вниманием. Публикации в белгородских газетах у Бессонова немногочисленны. Не всё, что написано им, можно прочитать, ибо лучшее — в «неопубликованном».

Лирическому герою Бессонова дано понимание себя в контексте истории страны, пример тому — его стихотворение «Дед». Оно и о войне, которая увидена сквозь призму воспоминаний героя, и о его настоящем — чаще стариковски безрадостном существовании, и о нас, прямых или символических, внуках и правнуках, способных, может быть, к сочувствию, но не делающих шага к соучастию. В стихотворении, переплетаясь, звучат два «голоса»: героя — «деда» и лирического героя, соотносимого с авторским. Полнота понимания своего героя обнаруживает в молодом поэте корневую, можно сказать, *белгородскую*, чуткость и сопричастность военному прошлому. В лирике начинающего поэта проявлен и культурный, не только исторический, широкий контекст. Так, стихотворение «Пьеро», где сквозь печаль просвечивает вечный трагизм противостояния «маски» и «лица», относимо к тем поэтическим опытам, в которых пробивается философское по своей природе понимание статуса человека в мире: многоуровневое, на пересечении судеб и эмоций, на линиях самооценки и восприятия тебя другими. В современном мире это очень важные понятия для многих молодых людей, сформированных третьим тысячелетием. Они другие, и Максим Бессонов близок им объединяющей их в новое поколение тональностью своих стихотворений, сохраняя верность традиции, тому, что дорого его старшим товарищам, белгородским поэтам. Молодому человеку еще предстоит серьезнейшая работа в профессиональной сфере — историко-литературной и культурной, лингвистической и философской областях знаний, открытие одновременно новых и вечных тем для творчества, постоянный поиск единственного слова, только этому содержанию отвечающей формы, глубокая и

повседневная работа с черновиками... Но главное для нас — не пройти равнодушно мимо.

Тайна мастерства поэта и тайна его воздействия на читателя не может быть разгадана до конца. Это аксиома. Можно выстроить концепцию жизни поэта и лирического героя, опираясь на «ключевые слова» его творений, можно воссоздать парадигму ценностей, присущих его поэзии, найти доминанту, но есть нечто, что только угадывается и остается неназванным и в поэзии, и в околопоэтических изысканиях. Может быть, это чудо, явленное в выверенности ритмического строя, волшебстве и гармонии интонации, богатстве и обязательно(!) соответствии «созвучий слов живых». В этом сила настоящего поэта. Наличие же сопряжения *вкуса* («постоянное ощущение разницы между “хорошо” и “плохо”») и *совести* («ощущение разницы между “искренне” и “неискренно”») (Гаспаров М. Л. Лирика науки / М. Л. Гаспаров // Вопросы литературы. — 1978. — № 7. — С. 264) — критерий для выделения в потоках поэзии подлинной. Вкус и совесть — непреложные требования к ученому и критику.

Надо признать, что всем сборникам поэтов, которые выходят на Белгородчине, уже не хватает того, что формирует культуру чтения и публикаций: вступительная статья, биография поэта, примечания и комментарии к стихам. Думается, пора подобных изданий пришла: растет поэтическое мастерство, профессионально зрелыми становятся филологи, меняется ракурс исследований. Новый подход позволяет видеть в каждом поэте личность творящую, создающую духовные ценности, а значит не личность — неприкосновенная! — а творчество может и должно быть разбираемо на пользу взаимному духовному обогащению поэтов и филологов.

Литература

1. Гаспаров М. Л. Лирика науки / М. Л. Гаспаров // Вопросы литературы. — 1978. — № 7. — С. 264.

2. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Л. : Советский писатель, 1974. — 407 с.
3. Михалев В. Радость / В. Михалев. — М. : Молодая гвардия, 1976. — 127 с.
4. Сильман Т. Заметки о лирике / Т. Сильман. — М. : Советский писатель, 1977. — 223 с.
5. Чернухин И. А. Стихотворения. Баллады. Поэмы / И. А. Чернухин. — Белгород : Отчий край, 2003. — 442 с.

М. А. Кулабухова,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных наук БелГИКИ

Литература Белгородчины: аксиологический ракурс истолкования

Попыткам осмысления значимости литературы Белгородчины, как и опытам выявления ее самодостаточности и относительной независимости, столько же лет, сколько и самой литературе Белгородчины.

Одним из ракурсов выявления ее специфических черт может стать разрешение вопроса ее провинциальности, осмысление которого уходит в осознание взаимоотношений «провинция – столица»; «провинциал – *принципал*» (термин Ю. М. Резника). Традиционно принято считать, что «провинциальный» используется в значении «отсталый, наивный, простоватый, находящийся в захолустье», «территориально удаленный от административного центра — столицы, областного центра и пр.»; свидетельствует о высокой степени закрытости людей, об их связанности и сопряженности с традициями места и времени, о погруженности в традиционную (немодернистскую) культуру. Провинциалу, устойчивому благодаря собственной адаптированности в привычном мире, укорененному в традиции своего края, противостоит принципал (в переводе с лат. — «главный»), устанавливающий собственные правила, обязательные для всех

участников социокультурного процесса, нарушающий привычный ход вещей. Будучи соединителями социокультурного пространства, принципал и провинциал соотносятся друг с другом как центр с периферией.

Принципал предстает как прямая противоположность провинциалу, постоянно возмущая сознание провинциалов, нарушая привычный ход вещей. Так, собственно, и осуществляется диалог между столицей и провинцией, приведший к появлению в провинциальной среде очевидных принципалов, какие в идеале становятся создателями литературы (и число членов регионального отделения Союза писателей России, стремительно увеличивающееся из года в год — тому красноречивое подтверждение). Причем, с одной стороны, они формируются на основе традиции, творчества предшественников (и земляков в том числе); с другой стороны, стремятся к преодолению тех или иных канонов в пространстве творчества в пределах собственно малой родины, так как в силу социально-экономических и иных обстоятельств они продолжают творить на Белгородчине, существенно влияя на систему координат: теперь нередко возмущение мысли наблюдаем не столько в столице, сколько приобретающем (если еще не приобретшем) ее функции регионе, обладающем территориальной, исторической, политической, социокультурной самостью; способствующем максимально естественному превращению биосферы в ноосферу, «сферу разума, добра и красоты» (В. И. Вернадский).

В условиях противостояния наступательной глобализации, сохранения государственных, национальных, региональных ликов культуры особую значимость приобретает литература провинции, в силу своей укорененности в традиции, менее уязвимая, нежели литература столицы.

В ситуации преодоления деструктивных процессов литература Белгородчины становится отражением региональных (в частности, топонимических) и общенациональных (например, ономастических) социокультурных явлений, зеркалом констант культуры, «вершин нравственной оседлости» человека (Д. С. Лихачев), среди которых язык, природа, труд, любовь, надежда, вера, милосердие, патриотизм, гостеприимство, память

поколений, наконец, знаки провинции. Более того, образ Белгородчины в творчестве ее принципалов становится геополитическим, историческим, экономическим, социально-культурным центром, которым «прирастает Россия».

Онтологическая природа повседневности, постепенно приобретающая регионально-историческую, национальную (многонациональную) окраску, становится основой создания каждым автором своего образа Белгородчины, обращающегося к тем или иным ее знакам, как, например, поэт-белгородец В. Чурсин:

Богата Русь Мариями, Иванами,
Так повелось уж испокон веков.
Богата Русь певучими названьями
И городов, и сел, и хуторов <...>
Названья будто мастер все выстругивал,
Именовал, вздохнувши от сохи:
Деревня под яругой – Подъяруги,
Деревня под ольхою – Подольхи.
Слова рождались все – живые и разумные,
Ядреные, хоть пробуй их на зуб:
Ольшанка, Правороть, Шипы и Думное,
Гремучий, Вязовое, Редкодуб...
История Руси неисчерпаема,
Имен одних и тех же вам не счесть:
В честь деда чаще внука называем мы,
А внучку кличем в бабушкину честь.
Идет по свету сказочной Еленою,
И заглядится на нее любой...
Как хочется, чтоб были неизменными
И Вера, и Надежда, и Любовь.

(Чурсин В. Богата Русь Мариями, Иванами / В. Чурсин // Белгородский численник. — Белгород : Крестьянское дело, 1993. — С. 192).

Образ малой Родины — творческой Отчизны (во всей множественности, неповторимости ее составляющих) является универсумом культуры, тематической нациологемой произведений народного творчества и классического искусства, в частности — литературы. Так, стремление писателей-белгородцев создать образ Белгородчины реализуется посредством

обращения к разным константам, ценностям. Писатель-фронтовик В. И. Федоров, представитель старшего поколения литературы Белгородчины XX в., этнографически, фольклористически, лингвистически точно воспроизводит образ родной земли в масштабе отдельно взятого села Чистый Колодезь (в частности, в повести в новеллах «Сумка, полная сердец»): «Село наше непростое. Другого такого нет на всем свете. На одном конце его называют Чистый Колодезь, а на другом — Чиста Криница. На одном растут ветлы, а на другом — вербы. На одном мои односельчане поют «Ревела буря», а на другом — «Реве та стогне». А впрочем, иногда те поют «Реве та стогне», а эти — «Ревела буря». А вот хаты и там и тут белые-белые. Весной мне кажется, что расторопные хозяйки, стараясь одна перед другой, побелили не только свои хаты, но и вишневые сады и даже бугры вокруг села» (Федоров В. И. Сумка, полная сердец / В. И. Федоров // Песни Чистого Колодезя : лирические повести. — М : Моск. рабочий, 1986. — С. 34).

Причем в новой политической ситуации сохраняемая в пограничных локусах культура, конкретные ее образцы (в частности, произведения искусства — литературы) способствуют дальнейшей гармонизации социокультурных отношений, преодолению деструктивных процессов, что свидетельствует о вневременном потенциале текстов культуры (в частности, произведений литературы), способных даже на политической периферии выполнять функции принципалов, способствуя сближению народов, несмотря на политические пристрастия отдельных лжеполитиков.

Более того, в произведениях литературы, принадлежащих перу наших земляков, Белгородчина предстает как центр мира, в частности, становится им в минуты смертельной для России опасности; причем нередко родной земле оказываются сродни и другие — не столичные — места России: вспомним поэму И. Чернухина «Третье Поле», посредством которой поэт не только знакомит с историей Белгородчины, но вводит в контекст Российской истории, слагающейся из истории ее земель и ее героев:

Куликовское, Бородинское,

Поле Прохоровское — родня:
Все по духу по кровному близкие,
Разве только из разного дня.
Веет дух Пересвета над вами,
Дух Кутузова,
 дух Горовца...
Память Родины не убывает,
И, как прежде, волнует сердца.
Славу русскую трижды умножив
Третье Поле, —
 ты давний урок:
Меч поднявший — мечом уничтожен,
Сам в поля эти черные лег.

(Чернухин И. А. Третье Поле / И. А. Чернухин // Бел-город. — Белгород : Везелица, 1992. — С. 43).

Описание родной Белгородчины — всего лишь одна из составляющих творчества. Так, в творчестве И. Чернухина всегда равнодостоен образу Родины человек, подобный трудолюбивому герою поэмы «Бел-город» Егорию, смерть которого становится самой большой ценой жизни города, будущее которого угадывается даже в значении имени спасенной Егорием жены Настасьи, «воскресшей». И каждый человек, получивший от предков определенную нравственно-ценностную парадигму, по-настоящему верный своему Отечеству, отказывается от разрешения бытовых проблем жизни в угоду бытийным: оттого, в частности, так дорог не только Егорию, герою поэмы «Бел-город», но и каждому, кто причастен к прошлому и настоящему Белгородчины, Лебедь как символ Белого города, в отличие от вознесенных над Русью, привычных для местного пейзажа гусей.

И даже если какие-то явления жизни малой родины не приобретают общенациональной известности, они остаются феноменами сохранения региональной самости, территориально-культурной самоидентификации:

В редакции столицы
Везут свои стихи
Провидцы из провинций,
Пророки от сохи.

Надвинув глубже кепку,
Обдернув рукава,
Торопятся, как в Мекку,
Как в храмы Покрова...

Но вновь бледнеют лица,
Глаза огнем горят:
Провидцы из провинций
Поэзию творят.

(Абдуллина Л. В редакции столицы... / Л. Абдуллина // Антология современной литературы Белгородчины. — Белгород, 1993. — С. 137).

Более того, литература региона удовлетворяет потребность в сохранении и развитии культуры в самые сложные времена, подчас предваряя появление той или иной критической ситуации. Являясь одним из субъектов экологии культуры, литература выступает и ее объектом, в частности, способствуя разрешению экологических проблем. Так, знаками современной Белгородчины пока оказываются проблемные явления, взволновавшие В. Молчанова:

Идеи высосав из пальца,
Повсюду ищем мы врагов.
А хутор Заячий – без зайцев.
А Логовое — без лугов.
Мелеет Нежеголь, и с нею
Донец, уставший от трудов.
И бор сосновый все яснее
Дает понять, что нет грибов...

(Молчанов В. Идеи высосав из пальца... / В. Молчанов // Антология современной литературы Белгородчины. — Белгород, 1993. — С. 185).

По мере формирования культурного наследия провинция во всей своей многоликости выступает как узнаваемая константа истории и культуры, из множества которых (Рязанщина, Вологодчина, Белгородчина...) вырастает образ народа и образ России, самостояние которых зависит от освоения, сохранности составляющих этой нациологемы.

Литература Белгородчины, представленная творчеством множества индивидуальностей, отразившая неповторимую историю, культуру Белгородчины, наконец, ее социально-культурную значимость, становится сегодня явлением особым, транслирующим культурно-антропологические ценности, моделирующие успешное развитие системы «человек – природа – общество», осознаваемое сегодня на уровне паритетного диалога «провинция – столица».

Интегрирующая в себе общечеловеческие ценности, неотделимая от истории и современности региона, литература Белгородчины обеспечивает самую высокую степень активного включения индивида в духовное творчество, его превращение в принципала, т. е. обеспечивая поступательное развитие и регионального отделения Союза писателей России, и культуры региона.

Итак, литература Белгородчины актуализирует сегодня антропологические ценности, составляющие смысло-содержательное ядро культуры в системе «человек – природа – общество» в аспекте ее доминантных звеньев, образующих национальную «концептосферу» (Д. С. Лихачев), всесторонне воплощенную в «текстах культуры», а потому вполне традиционным оказывается запечатление в произведениях таких объектов, как:

– «природа» (Земля, Небо, Вода, Огонь, Воздух, Дерево, Трава, Солнце, Лошадь, Птица, Пожар и др.);

– «общество» (Семья, Родина, Родной край, Малая родина, Патриотизм, Долг, Честь, Героизм, Соборность и др.);

– «человек» (Ребенок, Мать, Отец, Дом, Путник, Труд, Добро, Милосердие, Любовь, Вера, Духовность, Надежда и др.).

Комплекс данных ценностей, по нашему мнению, представляет национальную концептосферу, способную обеспечить цивилизованный прорыв в новое мировоззрение, иную систему ценностей, тождественных неизменным общечеловеческим нравственным заповедям, уважения к другим народам без различий — политических, национально-этнических, религиозных — в общих чувствах добра, справедливости, правды, уважения человеческого достоинства.

Посредством «текстов культуры» и содержащихся в них ценностей осуществляется мировоззренческое, культурологическое осмысление совокупности всего достигнутого человечеством в ходе истории, выраженного в синтезе созданных человеком материальных и духовных ценностей, гармоничных форм отношений личности к природе, обществу, самой себе, становящихся результатом ее связи с Родиной и Миром и утверждения в них.

Литература

1. Абдуллина Л. В редакции столицы... / Л. Абдуллина // Антология современной литературы Белгородчины. — Белгород, 1993. — С. 137.
2. Молчанов В. Идеи высосав из пальца... / В. Молчанов // Антология современной литературы Белгородчины. — Белгород, 1993. — С. 185.
3. Федоров В. И. Сумка, полная сердец / В. И. Федоров // Песни Чистого Колодезя : лирические повести. — М : Моск. рабочий, 1986. — С. 34.
4. Чернухин И. А. Третье Поле / И. А. Чернухин // Бел-город. — Белгород : Везелица, 1992. — С. 43.
5. Чурсин В. Богата Русь Мариями, Иванами / В. Чурсин // Белгородский численник. — Белгород : Крестьянское дело, 1993. — С. 192.

*Т. Ф. Новикова,
доктор педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и
методики преподавания БелГУ*

Культуроведческий потенциал произведений белгородских авторов

Русский классик Л. Н. Толстой в своих «Педагогических сочинениях» отмечал, что в возбуждении интереса учащихся к изучаемому материалу особую роль играют два «элемента»: «художественное чувство и патриотизм». Именно в краеведческом материале эти элементы органично переплетаются. Школа, находящаяся в поиске объединяющей «идеи воспитания», видит ее, в первую очередь, в обращении к национальной культуре, в возрождении духовности, в поддержке и укреплении патриотических чувств молодежи. Эти задачи при любых общественно-политических и образовательных системах достаточно успешно решались краеведческими программами и курсами. «Школа должна расти из русской культуры, из русской истории, из краеведения» — так видел «корневую основу» школы XXI века и современный классик А. И. Солженицын.

Культурные и лингвистические факты, характеризующие «фон» той или иной местности, сведения по истории края, воплощенные в слове, произведения, авторством или содержанием связанные с родным городом или селом, естественным образом «заряжены» воспитательной энергией. Д. С. Лихачев указывал на тонкую и сложную взаимосвязь между художником, произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание; А. И. Княжицкий, размышляя о проблемах школьного сочинения, полагает, что «...в экзаменационных комплектах необходимо присутствие тем, связанных с региональной тематикой, с творчеством писателей, связавших свою судьбу с каким-либо городом, с какими-либо местами <...>. Такие темы призваны обратить внимание школьников на то, как воплощается или перевоплощается в литературе окружающее пространство. Воспитание

патриотизма должно быть в высшей степени конкретным и, если можно так сказать, центробежным» (Княжицкий А. И. Есть ли выход? Слово об экзаменационном сочинении / А. И. Княжицкий // Русская словесность. — 2006. — № 1. — С. 2–5).

Задачи культурологического подхода в преподавании языка решаются также за счет анализа разнообразного текстового материала. Для глубокого и полного восприятия любого текста, для раскрытия «того духовного мира, который скрывается за словами» (Л. В. Щерба), почти всегда необходимо осмысление заключенного в нем культуроведческого фона. Целенаправленный отбор текстов для анализа помогает создать и на обычных, и на специальных занятиях русским языком культурный фон и развивающую речевую среду. Точно подобранный текст становится площадкой взаимодействия всех гуманитарных предметов при рассмотрении общих для них проблем, способствует более прочному усвоению сложных понятий, развивает ассоциативное мышление, пробуждает интерес учащихся к самостоятельному анализу текстов-образцов. Но тексты нужной содержательной направленности и глубины, при этом позволяющие увидеть важный для юных читателей культурный фон, «вскрыть» культурный подтекст — скорее исключение, чем правило. Проблема поиска, обработки и систематизации тематических краеведческих текстов до сих пор достаточно остра для современного преподавания русского языка. Формирование корпуса примеров и текстов культуроведческой тематики является одной из насущных задач учителя-словесника, стремящегося работать в соответствии с современными требованиями. Особое место в методической копилке учителя должны занимать тексты из произведений местных авторов, поскольку именно в этих текстах поднимаются наиболее важные для региона проблемы. Например, нам кажется актуальным для белгородских школ рассмотрение русско-украинских культурных и языковых взаимосвязей. Наглядным и осмысленным может сделать такое сопоставление удачно выбранный текст, например, отрывок из прозы Владимира Федорова: *«Село наше непростое. Другого такого нет на свете. На одном конце называют его Чистый Колодезь, а на другом – Чистая Криница. На одном растут ветлы, а*

на другом – вербы. На одном мои односельчане поют «Ревела буря», а на другом – «Реве та стогне». <...>Белгородчина!.. Когда в России петух поет, на Украине слышно» (Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования / Т. Ф. Новикова. — Белгород, 2007. — С. 96).

Культурный фон на уроке создаст сопоставление синонимов, фонетико-словообразовательных и лексических пар: *колодезь – колодец, колодезь – криница, ветлы – вербы*, осмысление и толкование тематической лексики: *хаты, вишневые сады, мел*, интерпретация афористичной концовки «*Когда в России петух поет, на Украине слышно*», что в итоге может быть использовано в сочинении-рассуждении о родстве двух славянских культур, в стихии которых осуществляется воспитание, формирование мировоззрения белгородцев.

Как показывает опыт, трудно назвать произведения белгородцев, где не содержалось бы ярких «регионально-культурных» деталей. Например, программное стихотворение В. Молчанова «И траве, и солнышку...» ярко иллюстрирует, какие возможности предоставляет практически любой текст для проведения разнообразной работы со словом и — посредством слова — приобщения к культуре родного края. Свой культурный фон имеет каждое произведение. По нашему убеждению, работа с подобным материалом позволяет в естественной форме достигать непростых для современной школы целей воспитания духовности, развития национального самосознания, выполнять «социальный заказ» XXI века образованию — не только давать основы наук, но и воспитывать гражданина и патриота.

Литература

1. Княжицкий А. И. Есть ли выход? Слово об экзаменационном сочинении / А. И. Княжицкий // Русская словесность. — 2006. — № 1. — С. 2–5.

2. Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования / Т. Ф. Новикова. — Белгород, 2007. — 296 с.

*Т. А. Приставкина,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры художественно-
эстетического образования БелГУ*

Литературное краеведение Белгородчины: традиции и перспективы развития в региональном культурно-образовательном пространстве

Литературное краеведение является частью филологического образования личности. По мнению К. Стародуб, «литературное краеведение — область науки, которая находится на пересечении интересов специалистов по истории литературы, историческому краеведению, этнографии, фольклору и лингвистике» (Москва, 2005 г.). В настоящее время данное направление краеведения развивается в школах, вузах, библиотеках, в музеях, в региональном культурно-образовательном пространстве.

А. А. Горелов в понятии «литературное краеведение» актуализировал тезис о «важнейшем продуктивном элементе в строительстве национальной культуры» и вовлечении областного материала и языка в общелитературный процесс, как формы передачи конкретного в общенациональном.

П. В. Куприяновский представил специфические характеристики местного литературного процесса как изучение жизни и творчества местного писателя, писателя-классика в плане регионально-краеведческого начала; исследование литературной жизни в регионе; отражение истории, культуры региона в художественной литературе; история развития литературы в крае. Подобное структурирование процесса изучения и презентации особенностей местной литературной жизни, околотитературных явлений нашло отражение в качестве основы в разработке экспозиций провинциальных литературных музеев (Брянск,

Курск), в разработке курсов преподавания литературного краеведения в вузах, в Программах школьных литературных кружков. Похожее содержание представлено в стандартах изучения краеведения в Тамбовской, Астраханской, Челябинской и других областях.

В культурно-образовательном пространстве Белгородчины местный литературный процесс, жизнь и творчество выдающихся писателей-земляков были в центре внимания ученых, педагогов-практиков, музейных сотрудников, краеведов начиная с 60-х гг. XX в.: В. П. Оводенко, З. Т. Прокопенко, С. И. Гринева, Б. А. Шаталов, Б. И. Осыков, А. Н. Крупенков и др.

Вначале исследователей интересовали выдающиеся поэты, писатели — уроженцы Белгородчины, внесшие заметный вклад в развитие русской культуры. Первые публикации, уголки по литературному краеведению в школах и музеях были посвящены творчеству В. Ф. Раевского (с. Богословка Губкинского района), А. И. Гессена (г. Короча), В. Я. Ерошенко (Старооскольский район).

В конце XX в. появились публикации, исследования, которые расширяли представления о «Белгородском следе в русской литературе» (С. П. Гринева). Углубление литературного краеведения, особенно в контексте современной литературы, мы наблюдаем в указанный период и в библиотеках, музеях.

В 2007 году была открыта новая выставочная экспозиция в Пушкинской библиотеке-музее, в которой вновь нашли отражение выделенные и в программах, в литературном музее тематические пласты, преломленные в биографии А. С. Пушкина, в творческих личностных связях с Белгородчиной.

В образовательных учреждениях Белгородчины литературное краеведение развивалось рефлексивно, прежде всего, в плане содержания, повторяя часто уже общеизвестные факты. Сложились своеобразные центры изучения и популяризации в школах, связанные с необходимостью сохранения памяти об известных земляках-литераторах в целях решения задач духовно-нравственного, гражданско-патриотического, эстетического воспитания подрастающего поколения (Белгород, Короча, с. Беловское Белгородского района, с. Богословка Губкинского района, Ровеньской район).

Научно-исследовательская работа школьников имеет в этом направлении определенную перспективу, как и в целом культурно-образовательная деятельность музеев, библиотек Белгородской области: на основе соответствия процессам модернизации отечественного образования, региональных традиций, в условиях социального партнерства.

*А. И. Заикина,
доктор педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и
методики преподавания БелГУ*

Пространственная картина мира в текстах белгородских поэтов

Пространство — одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно

оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам.

В художественном тексте, с одной стороны, находят отражение все существенные свойства Пространства как объективной бытийной категории, ибо в тексте отражается реальный мир. С другой стороны, репрезентация Пространства в каждом отдельном художественном тексте уникальна, так как в нем воссоздаются творческим мышлением, фантазией автора воображаемые миры.

В художественном тексте выявляется осмысление пространственных координат с позиций определенного эстетического идеала. При этом, учитывая множественность голосов, точек зрения в художественном тексте, можно говорить и о множественной антропологической обусловленности изображенного Пространства с точки зрения субъекта — автора художественного текста и с точки зрения субъектов — персонажей текста. Пространство является доминантной категорией текста.

Категория Пространства является объектом изучения ученых разных сфер знаний: философии, физики, психологии. В связи с развитием когнитивного направления в лингвистике категория Пространства стала основной изучаемой категорией. При интерпретации художественного текста следует говорить о художественном пространстве.

Под художественным пространством мы понимаем «образную модель действительности, формирующуюся говорящим и являющуюся результатом его выбора, обусловленную определенной авторской установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художественного текста и настроением писателя» (Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. — М. : Просвещение, 1989. — С. 107).

Специфика пространственной картины мира определяется принадлежностью текста к определенному литературному направлению и эстетическими идеалами автора. Для поэтических текстов белгородских поэтов характерна разветвленная усложненная пространственная картина

мира, указывающая на максимально сложный внутренний мир. В рамках пространственной парадигмы нами анализировалось реальное пространство, его координаты, способы передвижения и методология языковых репрезентаций. Основным языковым средством, создающим картину передвижения в пространстве, является глагол.

Все глаголы пространственной локализованности можно разделить на две части:

- 1) глаголы, выражающие статическую локализованность;
- 2) глаголы, выражающие динамическую локализованность.

Статическими глаголами являются глаголы, обозначающие нахождение в *Пространстве* и положение в *Пространстве* — каузация.

Динамическими являются глаголы, которые указывают на способ передвижения в пространстве — локализация.

В принципе все эти глаголы являются глаголами перемещения и глаголами изменения положения в *Пространстве*. В текстах белгородских поэтов-мужчин представлена сложная анаграмма изменений положения в пространстве: перемещение, помещение. Перемещение в пространстве происходит по вертикали и горизонтали, при этом пространство координируется при помощи предлогов и наречий-интенсификаторов:

Вот птица бросилась с небес,

Вот в небо устремился лес...

А. Филатов

Я опустился рыбою на дно.

Вода зеленая вокруг меня бежала.

А. Гирявенко

И кружится надо мною

Стая листьев пестрой тучей.

В. Лиманский

Наиболее распространенным семантическим подполем для белгородских поэтов является подполе глаголов вертикального перемещения, которое встречается в текстах

каждого из рассматриваемых нами поэтов: *бросилась* с небес (А. Филатов), *опустился* на дно (А. Гирявенко), *осыпалась* листва (В. Волобуев), *падаешь* без сил (Н. Молчан), *сыплет* листьями лес (А. Алексейченко), капли чувств *роняю* (В. Лиманский), *поднял* орешек (М. Дьяченко), солнце *взошло* (В. Михалев), снега на землю *нисходили* (Г. Островский), камни *упали* (В. Молчанов), *взвился* над заводью (Н. Гладких), грудь *опустилась* (Ю. Макаров), *падали* руки (А. Машкара), *выпали* ведра из рук (В. Волобуев). Выявленный способ перемещения в пространстве характерен для славянской культурологической традиции, что указывает на внутреннее, генетически обусловленное восприятие картины мира: русская картина мира — перемещение по вертикали сверху вниз.

Литература

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. — М. : Просвещение, 1989. — 127 с.

*В. А. Кулабухова,
заслуженный работник культуры,
доцент кафедры театрального творчества БелГИКИ*

Слово Белгородчины и аудиовизуальное искусство

Миновав постиндустриальный барьер, Россия третьего тысячелетия имеет практически всё: ресурсы, интеллект, самые совершенные технологии; однако она обладает еще тем, чего нет у многих других стран, — опытом сочетания растущей материальной сложности с сохранением высокой национальной культуры и духовности, всегда доминировавших в народном сознании.

В эпоху русского культурного ренессанса особо значимую роль приобретает индивидуально-личностное начало, запечатление которого становится одной из доминантных задач современного аудиовизуального искусства. Традиционно основой замысла, отправной точкой в произведении, рождающемся в синтезе искусств, становится словесный текст культуры, к примеру, фольклорное произведение или результат индивидуального творчества. Являясь многообразной матрицей бытия русского народа, один из базовых компонентов духовно-нравственного развития человека, формирования его целостного отношения к миру, к культуре, словесный текст предопределяет особенности воссоздания концептов жизни героев и общества, этапов истории, осмысливаемой в аудиовизуальном произведении.

Опыт многолетней работы в Белгородском государственном институте культуры и искусств в рамках реализации специализации «Кино-, фото-, видеотворчество» позволяет утверждать, что наиболее оригинальными, целостными, законченными являются аудиовизуальные работы, в основу которых положен словесный текст, как правило, оригинальный, являющийся либо воплощением коллективного творчества (речь, как правило, идет об образцах народного творчества, в частности, словесного (словесно-музыкального)

фольклора), либо творчества индивидуального, свидетельствующего об оригинальной личностной, творческой позиции.

Так, словесные тексты стали началом работы над фильмами «Душа России» (авт. С. Лысенко) и «Сердце, опаленное войной» (авт. И. Гордовской).

Возвращение человека к истинным духовно-нравственным ценностям, равно как и в мир подлинной культуры и искусства, должно начинаться со знакомства с истоками и его носителями традиционной культуры, среди которых особенное место занимает Ольга Ивановна Маничкина, хранительница богатейшего песенного наследия заповедного Белогорья, чья индивидуальная одаренность и активная просветительская позиция стали ориентирами профессиональной и творческой деятельности представителей нескольких поколений XX и XXI вв., что и обусловило феномен этой подвижницы народной культуры и Белгородчины, и России.

Создавая фильм-портрет, его автор реализовывал довольно непростую задачу — в минимальном хронометраже осветить вклад Ольги Ивановны Маничкиной в развитие народной художественной культуры края, делая акцент на актуализации роли носителя аутентичной культуры в современном социокультурном пространстве региона и России. С. Лысенко старается отойти от клише, так называемых «парадных портретов». Обращаясь к документам, автор фильма не только кратко представляет судьбу носительницы словесной традиции, песенницы О. И. Маничкиной, но постепенно расширяет географию «путешествий» ее песен и созданного и возглавляемого ею аутентичного коллектива с. Подсердного Алексеевского района Белгородской области: где — и знакомые названия, и названия европейских столиц, и «имена» заокеанских мегаполисов.

Воссоздавая образ О. И. Маничкиной, автор фильма использует название одной из ее наград, «Душа России», как метафору ее жизненного и творческого кредо; уникальной исполнительницей народных песен, «солью» народной культуры стала Ольга Ивановна для своих односельчан, земляков-белгородцев, соотечественников; незаменимым строгим руководителем и чутким наставником

— для участников одного из лучших в России аутентичных коллективов с. Подсереднего; одаренным педагогом-практиком, иллюстратором-просветителем, транслятором народной художественной культуры Белгородчины — для школьников, студентов, ученых региона и России.

На наш взгляд, фильм С. Лысенко представляет особый научно-теоретический и практический интерес по ряду параметров:

- актуализирован значительный вклад О. И. Маничкиной в развитие культуры Белгородчины и России;
- выявлена феноменальная роль носителя аутентичной (в частности, словесно-музыкальной) культуры в современном социокультурном пространстве;
- мотивирована потребность в сохранении и популяризации народной песни как неотъемлемого словесно-музыкального компонента русской национальной культуры, как матрицы бытия человека и народа, как вневременного фактора воспитания и образования, творчества и науки.

Работу отличают личностная заинтересованность автора в сохранении уникальных материалов, связанных с жизнью и творчеством О. И. Маничкиной, очевидная информативность ленты, эмоциональность подачи материала, содержательность дикторского текста, оригинальность видения материала, умение подсмотреть ситуацию, подчеркнуть индивидуальные качества героини, эстетический вкус, проявившийся в выборе звукового материала; поэтому фильм-портрет «вырастает» в лирически восторженный гимн словесно-песенной Белгородчине и России, символом которых становится простая русская женщина, наделенная удивительным даром владения словом, даром пения.

Фильм И. Гордовского «Сердце, опаленное войной» совсем не похож на многочисленные, подчас «дежурные» ленты, приуроченные к датам и проходящие мимо зрительского сознания.

История рождается из судеб конкретных людей, в большинстве своем неизвестных, простых рабочих, неустанных тружеников, непрерывно — из года в год, из века в век — ткущих полотно жизни, ведущих непрерывную борозду жизни и попутно не спеша смахивающих со лба... История соткана из

жизней мужчин-пахарей и воинов, женщин-хранительниц домашнего очага, которые в случае острой необходимости, смертельной опасности, нависшей над семьей и Родиной, становились рядом с мужчинами, заменяли собой погибших, взваливали на свои плечи почти невыносимую ношу и выдерживали. И кем бы они ни приходились мужчинам: матерями, женами, сестрами, дочерьми, — в первую очередь, они были воплощением Родины, разделив поровну её великую и трагическую судьбу, её страдания и долгожданную Победу. И сколько в нас, сегодняшних, памяти, памяти родовой и национальной, памяти о войне и тех, кто в ней выстоял, в том числе и о женщинах, усилиями которых добыта общая Победа, столько жизни в настоящем и будущем.

Спустя 63 года после наступления мира автор фильма находит неожиданный ракурс изображения одной из победительниц, судьба которой становится не хронологическим экскурсом в историю, а историей самой страны. Создавая непарадный портрет простой русской женщины, И. Д. Гордовский стремится придать материалу естественность изложения, приглашая зрителя к размышлению о значимости человека в прошлом и настоящем, о подлинной силе любви, верности и надежды соотечественниц, не только не потерявших себя в период потрясений и потерь, но сумевших в одиночку воспитать новые поколения достойных людей. Объективный взгляд на героиню рождает субъективные сопоставления: женщина и памятник, женщина и дети, женщина и поле, женщина и земля, — и в каждой концептуальной паре женщина оказывается основой, первоначалом, равная самой Родине, поэтому намного величественнее по сравнению с произведением А. Шишкова кажется маленькая фигурка живой женщины у подножия величественного памятника «Вдове и Матери солдата».

Кажущаяся простота и доступность восприятия материала фильма обусловлены внутренней красотой героини, естественностью ее отношения к происходящему, людям, наконец, исповедальной лаконичностью стихов женщины, ставшей человеком двух столетий, но не изменившей своей памяти, сохранившей оптимистический взгляд на мир во всех его многогранных проявлениях, что воплощено в ее бесхитростных стихотворениях.

На наш взгляд, И. Гордовский, интерпретируя словесные образцы творчества М. Ф. Хорхординой, актуализирует роль конкретного человека в истории, в частности, в период тяжелейших для Отечества испытаний, каким стала для нашей Родины Великая Отечественная война; представляет судьбу женщины — Марии Федоровны Хорхординой, ставшей женой защитника Родины, а затем его вдовой, перенесшей на своих хрупких плечах все тяготы военного и послевоенного лихолетья; осмысливает вневременное значение опыта представителей старших поколений как подлинных патриотов, истинных носителей любви к Родине, любви к земле, семье, дому, национальных духовно-нравственных ценностей.

Содержательная самодостаточность стихотворений М. Ф. Хорхординой предопределяет лаконичность повествования, успешную интерпретацию документального материала в контексте обращения к таким националогам, как «Женщина», «Мать», «Жизнь» и др., становится основой гармоничного сочетания визуального и звукового рядов, мотивирует уместное использование кинохроники, содержание произведений слов обуславливает эмоциональность дикторского текста, содержание которого свидетельствует о гражданской позиции и автора фильма, и его современников.

По нашему мнению, в условиях глобализации и расчеловечивания человека современное аудиовизуальное искусство, оттолкнувшись от памятников слова, в частности, сложившихся в лоне народной культуры, может стать основой формирования у наших современников патриотических чувств, трансляции будущим поколениям концептов национальной, региональной и родовой памяти, бытия человека и общества.

*Л. П. Соломахина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы и
методики преподавания БелГУ*

**Ю. И. Макаров. «Колдовские слова»:
проблематика и поэтика сборника стихов для детей**

Как детский поэт Ю. И. Макаров дебютировал книжкой стихов «Бабочка под зонтиком» (1990). В дальнейшем были изданы сборники: «Кто кого?» (1993), «Чудо-рыбина» (2003), «Фу-фу-фу!..» (2006). За поэтическую книгу для детей «Колдовские слова» (2001) он был удостоен звания лауреата Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» 2003 года.

Тематика стихов сборника «Колдовские слова» определяется привычным кругом интересов малышей и школьников. Главенствуют же мотивы детских «пороков». Один из них — дурная привычка «грызть» предметы, которые попадают под руку. Об этом стихотворение «Грызун», в котором «безжалостный грызун», обыкновенный мальчишка, сгрыз линейку, фломастер, две тетрадки, пенал. Вредная привычка гиперболизируется, превращается в угрозу для окружающих: «на соседа напал». В финале стихотворения гипербола неожиданного заземляется: появляются мышки, реальные грызуны по своей природе, которые панически боятся новоиспеченного коллегу: «Ой, плохи у нас дела, / Страшно с ним встречаться» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 7).

Лирический герой Ю. Макарова тонко подмечает недостатки ребят, но подсмеивается над ними вполне добродушно. У Пети, героя стихотворения «Подглядкин», говорящая фамилия: он постоянно заглядывает в чужие тетрадки, поэтому и сравнивается с длинношеим жирафом. В объектив сатиры попадают и Мишка («Мартышка»), который так дразнил в зоопарке обезьяну, что « ...от

зависти мартышка / Вдруг заплакала навзрыд» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С.16); и лежебока Вася из стихотворения «Как начинается утро»; и известный сногшибательный модник Сережа, который своей супермодной одеждой наводит страх на огородное пугало («Пугало»); и Гришенька, у которого разрослись уши, так как он привык отвечать только с помощью подсказок («Чужие уши»); и Коленька, который не хочет идти в школу, потому что будет «контролеус по химиус» («Страшная болезнь»). Поэт остроумно высмеивает джентльменов в кавычках: мальчики после концерта провожают Оксану, уверяя себя в том, что уж вдвоем они никого и ничего не испугаются и сумеют постоять горой за девочку. Когда же навстречу им выбежала собака, они бросили визжащую от страха Оксану и сбежали. Расплатой для них стало коллективное осуждение: «И с тех пор на переменах / Нам проходу не дают. / Все девчонки непременно / «Джентельменами» зовут» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 46).

Стихотворение «Думал Ваня...» начинается авторским повествованием о том, что мальчик две недели пролежал на диване, одолеваемый мучительным вопросом: «Почему ж Иван Диваныч / Все подряд меня зовут?» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 9).

Наивность, простодушие героя здесь — своеобразный художественный прием, средство усиления комического. Автор вносит в стихотворение иронию, изображая раздумья мальчика с той кажущейся наивностью, которая делает его поведение смешным.

Очень симпатичны мальчишки из стихотворения «Тореадоры». Они посмотрели в кино испанскую корриду и захотели помериться силами с быком на ферме Васькиного дяди. Когда же они увидели настоящего быка, который угрожающе гремел цепью, как погремушкой, а в носу у него было кольцо, то струсили. Однако, чтобы не выдать своего страха, Васька нашел выход их затруднительной ситуации, заявив лукаво: «С испанским я бы дрался / А этот — не пойдет!» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 29).

Мир забавных детских мечтаний предстает в стихотворении «Размечтался», герой которого хотел бы жить до нашей эры. Тогда не нужно ходить ни в школу музыкальную, ни в обычную, но главное — можно занять дубинку, как положено мужчине, и ею грохнуть Олега Свистунова. Но пока герой-очкарик мечтал, его соперник подошел к нему и дал в лоб щелчком.

Смешон и тринадцатилетний поэт Саша Мушкин («Памятник»), который мечтает о славе, подобной пушкинской, о том, что ему в родном селе «поставят памятник с печалью на челе». Но не тщеславие движет им, а желание увидеть раскаявшуюся Аленку, в которую безответно влюблен герой. Он представляет, как девочка будет приходить к пьедесталу и омывать его горькими слезами.

Тема первой детской влюбленности проходит в стихотворениях: «Встреча», «Герой», «Записочки», «Утраченная любовь», «Неужели непонятно?», «Елена Прекрасная», «Письмо в редакцию», «День Нептуна» — где есть и острая фабула, и сплетающиеся из цепи смешных положений комические ситуации, и неожиданные образы, и остроумные фразы, и чисто детская логика, и умение о сложном говорить просто.

Ю. Макаров стремится выразить словом детское понимание красоты. Так, «В тире» появляется анимизированный персонаж — тигр, который благодарит лирического героя стихотворения за то, что тот просит Вовку не стрелять в огромного полосатого зверя «с печальными глазами», «ведь он такой красивый!..» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 31).

Детское сознание синкретично, оно одушевляет неодушевленное, воспринимает окружающее как сказку, чудо. Сюжет стихотворения «Колдовские слова», давшего название всему поэтическому сборнику, организуется соединением фантастического и реального. Из сказочного мира в современный перекочевали «заколдованный лес», «черная избушка», «зеленые звезды», «колдовские дела» колдуньи, которая заколдовала Вовочку: он всегда молчит на уроках, как партизан. К финалу стихотворения сказочный мир неожиданно разрушается, когда оказывается, что дело не в волшебнице, а в нерадивом ученике,

который не учит уроки. Об этом и говорит колдунья, напоминающая больше мудрую старушку: «Да что говорить?... / Уроки как следует надо учить!» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 8). Так, сказочные элементы в художественной ткани стихотворения служат для воплощения воспитательных функций.

Не только к сказочной, но и былинной традиции обращается Ю. Макаров. Стихотворение «Кручинушка» уже своим названием восходит к фольклорной поэтике, а начинается характерным для народной поэзии отрицательным сравнением: «То не серый волк в чистом поле рыщет, / Не лисица рыжая след замечает...» (Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — С. 10).

От народной традиции постоянные эпитеты: *серый* волк, *рыжая* лисица, *чистое* поле, *милый* батюшка, *черный* коршун, *добрая* бабушка; слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *батюшка*, *картошечка*, *кручинушка*, *детинушка*, *окошечко*. Автор предоставляет слово своему персонажу, по форме это стихотворение-монолог, в котором рассказчик — школьник прибегает к торжественному, величавому стилю, не совпадающему с характером происшествий, отношений между ним и его отцом. Этим несовпадением достигается комический эффект: герой обувь износил меньше чем за месяц; разбил окошко у бабушки Ниловны; не занимается серьезно английским языком, не хочет помогать отцу. В стихотворении дается сатирическая зарисовка детского характера ученика, перечисляющего список своих прегрешений с удивительным простодушием.

Таким образом, Ю. Макаров в сборнике «Колдовские слова» создал мир добрых чувств, ясных представлений, чистых красок, запечатлел живое детство. В своих стихах он пользуется всей палитрой комического — от мягкого юмора до иронии и сатиры, смешивая их во всевозможных пропорциях.

1. Макаров Ю. Колдовские слова / Ю. Макаров. — Белгород : Крестьянское дело, 2001. — 56 с.

*Т. Немцева,
студентка V курса
филологического факультета БелГУ*

Формы представления автора в текстах белгородской поэзии

Текст — это коммуникативный вербальный акт письменной или устной речи. Он обладает внешней (формальной) и внутренней (семантической) устроенностью, организованной путём создания целостности, логической последовательности и связанности его частей.

К числу участников коммуникативного акта мы относим субъекты текста. Субъекты текста отличает форма 1-го лица, т. е. местоимения *я, мы, мой, наш*. Субъектом текста является говорящий, выступающий в нескольких «ликах»: «образа автора», самого писателя, лирического героя, рассказчика, повествователя, персонажей. В тексте автор может быть представлен в нескольких образах:

1) Биографический автор — это физически конкретный человек, обладающий определенными индивидуальными и биографическими данными, с указанием главных событий. Биографический автор есть у всех текстов, но не всегда выражается при помощи языковых средств.

2) Автор текста — творец, человек, сотворивший текст. Это творческий автор. Этот автор выступает в нескольких ипостасях:

а) активный автор (актант) имеет языковую репрезентацию, т. е. в тексте для его представления используются личные местоимения *я, мой, наш, возможно, мы* в именительном и косвенных падежах. Например:

Я взлететь, как искра, хочу!

Я взлетаю! Выше! Лечу!

Я уже горю на лету!

Хоть на миг прорву темноту!

(Ирина Чернявская);

б) автор — носитель идеи; наблюдатель, созерцатель, где он не представлен («я»), но автор есть. Это понимаемый автор (креат). Понимаемый автор — это субъект дискурса, т. е. активная позиция говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере. Он проявляется в выражении позиции, в выборе темы, фрагмента действительности. Например, в стихотворении Виктории Кан:

Дыханьем осени примятая трава...

В пустынном парке одиночество заметней.

Несет его листком, не помнящим родства,

За горизонт, за грань черты последней.

Также к числу участников коммуникативного акта мы относим объекты текста, выраженные формой 2-го лица: *ты, вы, твой, ваш*. Функцией данного объекта текста является обозначение адресата, читателя, слушателя.

Выделяют два типа адресата: внутренний адресат и внешний адресат. Внутренний адресат грамматически репрезентирован в тексте при помощи местоимений *ты, твой, ваш*. Например, в стихотворении Ларисы Преображенской:

Ты — рассвета трепетанье!
Ты — журчание ручья!
Ты — звезды ночной сиянье,
Песнопенье соловья.

Внешний адресат (читатель) — грамматически не представлен. Он отделён от говорящего временем и расстоянием; но любой автор пишет текст для определённого круга читателей. Например, Виктория Кан имеет своих конкретных читателей. Ими являются белгородский поэт Владимир Молчанов и его сын Вадим. У Ирины Чернявской тоже имеются свои читатели — это А. И. Заикина и Т. С. Огурцова.

Внешний адресат в текстах белгородской поэзии встречается очень редко, в основном присутствует внутренний. Поэтому мы приведём пример из стихотворений других авторов. Например, А. С. Пушкин писал:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2003. — 280 с.
2. Огурцова Т. В. Из трёх тетрадей : стихи / Т. В. Огурцова. — Белгород : Константа, 2004. — 107 с.
3. Чернявская И. Н. Соловей / И. Н. Чернявская. — Белгород : Константа, 2006.— 180 с.

*И. Куликова,
студентка III курса факультета
социально-культурной деятельности БелГИКИ*

Патриотизм как доминанта творчества Л. Т. Кузубова

Подлинный патриотизм — это подчас негромкое, глубинное служение своему Отечеству, основанное на поступках казалось бы типичных. Патриотизмом особого свойства становится служение своей Родине для детей, подростков, юношества, которые — чтобы доказать свою любовь к стране — сбегали из дому, приписывали себе лет и т. д., и всё ради одного — попасть на фронт, чтобы мстить врагу. Эта романтическая мотивация привела на фронт многих детей войны, которые, даже придя с нее, став биологически взрослее, продолжали воевать, как, в частности, воевал с бюрократической системой в Советском Союзе Леонид Трифонович Кузубов, отстаивая свою правду, в частности, правду окопную, став подлинным реалистом в литературе.

История знает немало примеров детей, ставших солдатами, столкнувшихся с жестокостью войны. Они могли так и не обрести гармоничного отношения к жизни, рано испытав, что такое цинизм и жестокость, взвалив на свои худенькие плечи подчас непосильную ношу. Однако наука ненависти к врагу, полученная на фронте, стала скорее основой подлинной любви к Родине, а любовь, которой окружали маленьких солдат в боевых подразделениях взрослые солдаты, — той мерой доверия, которую в мирной жизни эти, в окопах поседевшие, дети должны были оправдать.

И хоть социологических исследований, проведенных на предмет выявления того, кем стали сыны и дочери полков, не проводилось, общеизвестно, что практически все «не уронили честь мундира», состоялись как профессионалы и граждане.

Для «Леньки Кузубова из Белгорода», познавшего тяжесть отступления, обмороженного в окопах Сталинграда, одно из ранений получившего за Белгород, сбежавшего из госпиталя, чтобы расписаться штыком на рейхстаге вместе с боевыми товарищами, война становится знаковым этапом прошлого, но важной доминантой настоящего и будущего, в которых Кузубов по-прежнему, как пишет член Союза писателей России В. Калущий, берет «на себя подчас непосильную ношу. Живет, как принято говорить, при максимальной нагрузке», в первую очередь, стремясь сохранить впечатления о войне не только как собственную исповедь, но и как исповедь поколения, прошедшего войну. Все его переживания, боль и ранения ярко запомнились ему и полно отразились в циклах произведений о войне, слагающихся в своеобразную летопись войны, где каждый текст становится «кадром»-интерпретацией жизни участника войны, где и бои:

Вокруг грохочет и пылает,
Как будто впрямь не явь, а ад...
Безногий яростно стреляет,
Сжав в мертвой хватке автомат.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 44).

И затишье между боями:

Затишье воспарило над окопами.
И вот тогда в лазоревой дали
Небесными неведомыми тропами
Пошли, пошли за Одер журавли,
Похожие на письма треугольные.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 31).

И друзья-товарищи:

Шальная пуля на излете
Была коварной до конца...
Сразила друга в пятой роте

И — миновала подлеца!

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 38).

И — как начало новой боевой операции — очередная вылазка разведчиков:

Я помню черные минуты,
Брала за горло жизнь меня.
Но прорывался я сквозь пути
Лихих мгновений и огня.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 67).

Первое стихотворение Л. Кузубова опубликовано в 1942 г. в Сталинграде в «Красноармейской газете». Может быть, само слово, творчество стали основой стойкости и мужества маленького солдата, который благодаря стихотворству, заучиванию текстов наизусть пытался уходить от грусти, страха, укрепляя надежды на победу, мечтая живым встретить победу и вернуться домой, т. о. воспитывая в себе мужество, выносливость и силу, которым, по свидетельствам однополчан, мог позавидовать любой взрослый солдат:

Пока живет, живет украдкой страх.
Кипят бои. Но я назад — ни шагу!
Иду вперед за шагом — шаг!
И страх переплавляется в отвагу!

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 38).

Встречая кровь и смерть, насилие и жестокость, Леонид не ожесточился сердцем, напротив, осознал особую любовь в доме, матери, родине. В стихотворениях военного времени образам войны, которыми становятся *остовы-скелеты домов*: «Варшава пламенем объята. / Скелеты черные домов / Стоят, как узники распяты; всё покрывающий *черный пепел*: «На тротуарах пепел, кровь...»

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 18); *заря*: «Смотрю испуганно с высоты, / И августовская заря /

Кровавой кажется пилоткой. / Горят пшеничные поля» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 88); *кровь*: «Какая трудная удача / Курган Мамаев созерцать! / Здесь кровью каждый шаг оплачен, / С живыми камни говорят»... (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 66); *взрывы*: «Надсадный взрыв. / Взорвалась тишина!.. / Коварны и обманчивы мгновения, / Когда всего — рукой подать — война!» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 48); *ветер*: «Ветер странствий гудит, как набат. / Ощушаю дыханье планеты. / И встает предо мною комбат / В шинелишку худую одетый» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 36); противопоставлены образы долгожданного мира — *закат*: «Сяду на пригорке. / И дымок из хат, / Как дымок махорки, / Поплывет в закат» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 65); *отчий дом*: «Все может на войне случиться. / Молю судьбу лишь об одном, / Чтобы в Россию возвратиться / И посетить свой отчий дом» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 40); *журавли*: «Защитные пилотки снимали мы, / Глазами потеплели, расцвели... / И долго наблюдали, как за далями / Скрываются родные журавли...» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 31); *мама*: «А сколько стало поседевших, / Испивших горюшко до дна, / Любимых мам осиротевших» (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 57).

Мать для ребенка-солдата — высшее мерило жизни, смысл бытия, ради которого и идет он на смерть:

Наши милые мамы,
Словно солнце весны,
Вы всегда между нами.
Так не будьте грустны!

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 109).

Много стихотворений Леня посвятил именно ей: любящей, ждущей, горячо переживающей, верующей в спасение сына, наделенной чудной силой помощи, — маме:

О, великое чудо природы —
Мать, вскормившая нас молоком.
Видим мы через беды и годы.
И вздыхаем о маме тайком.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 152).

Для Леонида Кузубова мама была талисманом спасения. Она всегда находилась рядом с ним, сопровождая его мысли, видения и, конечно же, первые произведения. В стихотворениях Кузубова мамой названа не только та, которая дала ему жизнь, любовь, ласку, но и Родина, и Матушка-земля родная:

О, могучее слово — Россия!
Ты — и песня моя.
Ты — и добрая мама
Моя...

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 117).

Эти образы станут концептами творчества Кузубова: не только в произведениях о войне, но и о мире, который так же уязвим, как и в середине XX века, а потому вполне объяснимым становится воспоминание о войне, «фронтная лента событий» («Моим читателям») (Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 161), которую писатель-ветеран не может забыть, посредством которой пытается установить диалог времен, диалог поколений как фактор сохранения памяти и самого государства:

Навечно в памяти остались
Минуты те и миги те,

Мы многих там не досчитались

На самой трудной высоте!

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 148).

В. Дончак, бывший сын полка, отметил, что «цепкая память сохранила такие детали огненного времени, которые не всегда замечают взрослые» (Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Т. 1. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 1995. — С. 191); может быть, поэтому стихи Л. Т. Кузубова близки и понятны подрастающему поколению — как произведения о войне, так и стихотворения о мире. «Родничок военного детства» (Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Т. 1. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 1995. — С. 191) наполняет реку мирного времени, в котором появляются совсем иные образы:

ива:

На просторах России стоят сиротливо,
Опустив скорбно ветки, как руки свои,
Словно вдовы, стоят молчаливые ивы
На просторах Руси, где гремели бои!

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 81);

береза:

А Родина — в березах,
Вся в ситцевых лугах,
Девчата на откосах —
В цветных платках.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 56);

птицы:

...Синички слышу тихий робкий свист;
... И соловьи нам пели славный гимн;

...А в небе звезды, словно снегири.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 430);

звезда:

Астрологический прогноз
Читаю я под Роем Звезд,
А звезды — это душ лампадки,
Жизнь — наша трудная загадка!;
В краю небес горит моя звезда,
Под ней я и родился и живу.
То в хрупком полусне, то наяву
Летят мои полынные года.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 493).

Этот мир превращается в некую загадочную «синюю страну», которую должны беречь новые поколения, с благоговением говоря:

Память книгу листает
И полынно горчит.
О, Россия Святая!
Пепел в сердце стучит.
Над погостами птицы,
Словно души людей.
Вижу пращуров лица
Вдоль России моей.
Родословные корни,
Я отросточек ваш.

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 316).

Предвосхищая возможные трагедии в будущем («Русская трагедия», «Русский ковчег»), Л. Т. Кузубов призывает современников, детей конца XX и

начала XXI века, защищать правду во всех ее проявлениях, чем и становится его творчество:

Есть о чем поведать поколению,
Выросшему в мирной тишине.
Крутит память — грозные мгновенья,
Как живую летопись при мне...

(Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — С. 95).

В стихах Л. Т. Кузубова — «коротких, упругих, полных внутренней силы, как сжатая пружина» (Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Т. 1. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 1995. — С. 191), переплавились горести и радости, память и любовь как компоненты подлинного патриотизма, не зависящего от идеологии, и святая обязанность каждого патриота, тем более от литературы, донести правду об истории Отечества и ее народе — потомкам.

Литература

1. Кузубов Л. Т. Русский ковчег / Л. Т. Кузубов. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2006. — 576 с. : ил.
2. Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Т. 1. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 1995. — 736 с.

*Н. Фрицлер,
студентка III курса факультета
социально-культурной деятельности БелГИКИ*

Ценностные приоритеты писателя В. М. Шаповалова

На пороге нового принято подводить итоги и планировать будущее. Писатель В. М. Шаповалов в детстве и юности мечтал о том же, о чем мечтали его ровесники. Так, находясь на границе между сегодняшним и завтрашним днем, Владислав Шаповалов вместе с однополчанами мечтал о том, какой будет елка в 2000 году, но жизнь оказалась более непредсказуемой, чем самая несбыточная мечта.

Судьба В. М. Шаповалова ни в какие привычные рамки не укладывается, тем более трудно и спланировать ее причудливые повороты: к своим читателям писатель пришел достаточно поздно, будучи зрелым человеком, когда позади остались: беспощадная Великая Отечественная война, на которую Шаповалов отправился добровольно; путь от рядового до офицера; годы учебы на филологическом факультете Днепропетровского университета и несколько десятилетий плодотворной педагогической работы в качестве учителя, завуча, директора сельской школы; наконец, успешная издательская деятельность, начало которой уходит в сложные годы политических, экономических, национальных потрясений, основанная на популяризации творчества писателей-земляков, в первую очередь, ветеранов, свидетелей войны как «самого орденосного в истории человечества» поколения... Приход В. Шаповалова в литературу был неизбежен, предопределен не только напряженной внутренней работой, семейно-родовой эволюцией, но и внешними факторами, требующими от человека проявления его собственной позиции, его личностного стержня, дарованного предками и сохраненного в самое сложное для России время, каким стал XX век.

Уже первые произведения, адресованные детям: «Мишка», «Старый букварь» и др. — тексты, объединяющие писателя не только с детьми, но и со взрослыми, потому что книги Шаповалова — выражение круговращения жизни, воплощение стройной философской концепции человека, состоявшегося лично, профессионально, творчески, в первую очередь, благодаря самой жизни, благодаря противостоянию тому, что могло эту жизнь уничтожить.

Явившись наследником двух родов, Шаповалов унаследовал от обоих трудолюбие, добросердечие, любовь к человеку, верность данному слову, уважение к традициям, самодостаточность, благоговейное отношение к старшим, к истории семьи и Отечества, что стало нравственной основой его жизни, посвященной открытию человеческого в человеке, «поэтизации» повседневности, привычных вещей, явлений окружающего мира.

«Миром править должны умудренные опытом дети...», — это высказывание В. М. Шаповалова — продолжившего, по мнению Т. А. Приставкиной, лучшие традиции русской «детской прозы» XIX в.: Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, Н. Г. Гарина-Михайловского; ставшего преемником К. Г. Паустовского и М. М. Пришвина (Приставка Т. А. Страницы жизни и творчества В. М. Шаповалова : к 80-летию со дня рождения / Т. А. Приставка // Звонница. — 2005. — № 6. — С. 246) — может стать неким девизом самого писателя, в своих книгах не назидającego, а представляющего некий опыт человеческий, становящийся некоей матрицей жизни, где всё в гармонии, всё находится в тесной взаимосвязи, всему есть место, если только это несет добро, наполняет бытие глубоким смыслом и теплым светом. Именно поэтому книги В. М. Шаповалова привлекают детей и взрослых, становясь основой семейного чтения, круга, где нет непонимания между представителями разных поколений, так как в книгах писателя нет места конфликту поколений, в частности, в поэме «Медвяный звон», где актуализированы связи между поколениями, значение накопленного предшественниками человека опыта, проблема воспитания подрастающего поколения, где гармонизированы связи между человеком и природой, человеком и

памятью, человеком большим (представляющим старшее поколение) и человеком малым (являющим собой поколение младшее).

Ответственность старших за происходящее на земле становится основой передачи этого опыта, всего, вынесенного из самой жизни. Поэтому не только для главного героя поэмы Тихона Чуприна одушевленная многоликая природа становится источником жизни, телесного исцеления, духовного оздоровления, наконец, бытийной энергии, но и для мальчика Жени, которому главный герой успевает передать и знания о пчелах, и традиции общения с природой как величайшего праздника, и свою любовь, ради которой человек и приходит на землю, наполняя ее особым смыслом.

Именно закон партиципации (сопричастности всему сущему), переданный человеку от предков, становится основой бережного отношения к природе, постоянная связь с которой способна творить чудеса, помогая человеку заботиться о себе, обо всем, его окружающем. Необыкновенное чудо сотворила природа с главным героем поэмы «Медвяный звон» — Тихоном Чуприным — пчелы, пчелиный звон дали ему силы и жизнь. Раненого, изувеченного войной, природа вылечила человека, который отдает долг другому человеку как порождению этой природы. Причем сами образы природы в книге Шаповалова — не просто равнодостоинны людям, но способны даже превосходить их по мудрости, силе и т. п. Так, пчелы в поэме Шаповалова — безымянные в своем множестве символы труда и послушания, мудрости и усердия, преподающие людям урок по преумножению мощи, богатства, высшего знания (иносказанием которого, согласно общечеловеческим и национальным традициям, является мёд). Поэтому вполне мотивированным становится в итоге иносказательный диалог, в который вступают и пчелы, и люди, и другие порождения самой природы, звучащей, как не умолкающий ни на минуту оркестр, знаменующий победу жизни над смертью, когда одно звено (пчела ли, или подобный пчеле человек) вступает на место другого.

Согласно позиции Шаповалова, миром движет любовь ко всему живому, что создано природой или ее порождением, в первую очередь, человеком. Не менее

значимым, по сравнению с природой, концептом бытия человека В. Шаповалова становится культура как овеществленная, материализованная память, символом которой в сознании писателя становится книга. В её спасении Шаповалов участвует давно: с тех самых пор, когда еще подростком спасал выброшенные оккупантами книги, до дня сегодняшнего, создавая всё новые и новые книги, в частности, о том времени, забыть о котором значит лишить будущего страну, недаром писатель говорит: «С потерей ума ты теряешь себя, но остается Отечество; с потерей памяти — утрачивается Отечество» (Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Т. 1. — Белгород, 1995. — С. 4). Поэтому и каждую изданную В. М. Шаповаловым книгу следует считать поступком, направленным на сохранение памяти человеческой (как основы жизни семьи рода) и памяти государственной, национальной (как основы жизни Отечества).

В итоге Владислав Шаповалов (как и похожие на него самого непобедимые герои его книг) оказывается мудрым, неторопливым посредником между природой и культурой, связующим звеном между прошлым и будущим, а потому высочайшей мерой жизни становится ответственность за всё происходящее, вырастающая из таких ценностных доминант, как память, как основа жизни отдельного человека и как основа жизни Отечества, любовь к Родине, трудолюбие, милосердие, терпимость, доброта, вера, надежда, любовь, преемственность, наконец, единство слова и дела, порождающее внутреннюю гармонию, подлинную красоту.

Писатель-философ на фоне великого множества «стоящих на баррикадах», спорящих о национальной идее, предназначении народов, запечатлевает жизнь человека как матрицу сохранения природного, культурного, национально-исторического ландшафта, где человек является частью соборного, державного, духовного мира. Произведения В. М. Шаповалова — настоящие «немые» (по Платону) «учителя» современности, азбука красоты, добра, становящиеся гимном гуманной жизни, бережному отношению к природе, каждому ее воплощению — будь то животное, насекомое, птица или человек.

На наш взгляд, феноменальная смысло-содержательная целостность произведений В. М. Шаповалова предопределена его гармоничным отношением к миру, духовно-нравственной самодостаточностью, стремлением к самосовершенствованию (доказательством чего является одна из последних книг — «Мастерство солнца» (2007), свидетельствующая о творческом долголетии и неизменном творческом потенциале:

В круговороте дат, событий,
Средь миллиона лиц, окон
Почаще хочется открытий тому,
Кто каждому знаком!..
Пусть он не устает, как прежде,
Подвластны слово, новый век!..
С любовью, верой и надеждой
Идет за солнцем человек!

Литература

1. Приставка Т. А. Страницы жизни и творчества В. М. Шаповалова : к 80-летию со дня рождения / Т. А. Приставка // Звонница. — 2005. — № 6. — С. 246.
2. Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины. Т. 1. — Белгород, 1995. — 736 с.

*А. Присухина,
студентка III курса факультета
социально-культурной деятельности БелГИКИ*

Мифологемы природы в творчестве Е. Ф. Дубравного

Творчество Е. Ф. Дубравного многоаспектно: это и трогательные повествования о грозных отголосках войны, забавные, наивные рассказы для детей, загадки, серьезные статьи, репортажи, проникновенная лирика, великолепные переводы с украинского языка. Сквозь многоголосицу его произведений проявляется образ автора-человека, зависящего, в первую очередь, от круга малого, от природы (и зависимость эта проявляется даже в истоках фамилии), и от каждого ее порождения:

Синица скачет, пляшет воробей,
Хохочет солнце, женщина смеется,
Задира ветер в подворотне бьется
И рвется на простор пустых полей...

(Ищенко Н. Н. Исповедальность рядом с целомудрием / Н. Н. Ищенко // Звонница. — 2004. — № 5. — С. 110).

Природа всегда манит Е. Дубравного («Меня с пеленок любят все деревья...») в первую очередь, своей непредсказуемостью, неисчерпаемостью. Высшей оценкой признанности в устах Дубравного звучит сказанное в адрес Дмитрия Акимовича Маматова:

Его любят птички поднебесные,
Обожает всякое зверье,
Даже кошку, шkodницу известную,
Глашею он ласково зовет.
Хоть и ходит вечно озадаченный,

Он душой радостен и чист...

И стихами нежными, прозрачными

Соловья недавно приручил

(Ищенко Н. Н. Исповедальность рядом с целомудрием / Н. Н. Ищенко // Звонница. — 2004. — № 5. — С. 114).

А среди многоликого воплощения природы поэту ближе всего то, что подобно душе человеческой, что так же неистово и неистоимо, потому и переводы, осуществленные Е. Дубравным, населены птицами: например, «Вам по душе в руке своей синица, / А нам по сердцу — в небе журавли» (перевод: Борис Олийник, «Европе»); «О, как ты крылья раскрылила / И в гневе совесть защитила / И отвела удар судьбы...»; «...над Хатыню плач кукушки / Слезу роняет на опушку» (перевод: Иван Драч, «Слеза Беларуси»); «То Лебедь-сестрица мерцает зарей, / Над Лебедью бьется тевтонский орел» (перевод: Иван Драч, «Киевская легенда»); «И взмахни надо мной лебединым горячим крылом...»; «Поплывешь ты лебедкой в мои голубые моря» (перевод: Иван Драч, «Лебединый этюд»); «А петухи орут, взлетевши на плетень... / И горизонт горит оранжевым рассветом» («Боль единственного оружия»). Художник-белгородец Николай Никанорович Ищенко отмечает крылатость поэтического дара Е. Ф. Дубравного, в чьих работах «И горлица тоскует в бересклете...»; «Там, за порогами, в степи, / Где все проходит не казенно, / Где жизнь у аистов кипит / И пашня пышет черноземом» («Хутор Вишневый»), уточняя, что Дубравный всю жизнь стремится «взлететь, чтобы видеть мир не через щелочку сладкого уюта, а с высоты птичьего полета, всегда таящего опасность».

И эта мера крылатости, черты птицеликости, ставшие приметой творчества Е. Дубравного для взрослых, превращаются и в неотъемлемые концепты творчества для детей, знакомство которых с миром — по Дубравному — начинается со знакомства с природой: «Пойдем, поговорим тихонько с лесом, / А уже после можно и с людьми» («Вот лес живой...»). В книгах «Анютини встречи», «Египетские этюды», «Аленкины удивлёнки», «Птицеслов» природа живет

собственной богатой жизнью, постоянно изменяясь: рождается, растет, грустит, радуется.

В мире, воссоздаваемом Е. Ф. Дубравным для детей, всё гармонично, неразрозненно, а в неразрывной связи. Ежата, зайчишки, ящерки, воробьишки, аисты-белокрылки... — не просто составляющие мира природы, а неотъемлемая часть счастливого детства ребенка, умножить которое пытается писатель, чье детство совпало с нелегким военным и послевоенным временем, быть может, предопределившим внимательность, чуткость будущего писателя ко всему живому и его искренность, ставшую неперменной приметой стиля.

Кажется, что, став взрослым биологически, Дубравный не утратил некоей детской восторженности восприятия настоящего, многих его граней, что и обеспечивает его признание и в кругу детей, и среди взрослых, постепенно входящих в мир его произведений, где взаимосвязаны и взаимозависимы земля, солнце, деревья, кустарники, трава, опушки, звери, птицы. И неотъемлемым участником диалога с миром гармонии становится человек, наделенный радостным ощущением жизни, ее щедрости и изменчивости.

Так, символами многоликого мира становятся герои книги «Птицеслов», в которой, с одной стороны, автор транслирует многовековые роли тех или иных птиц как в национальной, так и в общечеловеческой культуре (не случайно, например, *аист* — символ любви, в частности, особенной любви к детям — «мир и счастье сулит» (Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 120); *кукушка* — символ грусти и вдовства — «печально плачет на ветру» (Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 139); *цапля* — символ бдительности, пугливости — «в неуклюжей позе / С клювом, как игла, / Будто бы в гипнозе / ... замерла» (Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 163). С другой стороны, некоторые образы Е. Ф. Дубравный интерпретирует по-своему, выражая неперменную жалость к воришке-воробью: «Поделился бы с птичками крошками...»

(Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 124), представляя всеведение филина не как следствие колдовства, а всего лишь как природный дар: «Кто боится высоты?.. А филин — не боится» (Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 159); переосмысливая образ пеликана, акцентируя внимание скорее на её экзотической внешности, а не на функции (потому у Дубравного нет указания на способность к самопожертвованию как на ведущую черту). Если дятел, согласно христианской традиции, — воплощение ереси, то в портрете-стихотворении Е. Ф. Дубравного у этой птицы иная роль:

Дятел — просто отличнейший врач!

Ждут его прихворнувшие ели,

Ждет сосна, потерявши покой,

И стучит он в лесной колыбели

День-деньской,

день-деньской,

день-деньской...

(Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 128).

«Птицеслов» Е. Дубравного представляет птиц привычных (аист, беркут, воробей, грач, дятел, журавль, иволга и т. п.) и достаточно редких, открывающихся не каждому (зарянка, пеликан, хохотун, шилоклювка, эму), а потому образы становятся притягательными не только для детей, но и для взрослых, потому и появляются обобщения, такие как:

А живут журавли, как и люди —

Только парами, только вдвоем

И по-русски отчаянно любят

Отчий край и болото своё...

(Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — С. 132).

Если следовать мнению, что историки видят мир, каким он был, ученые — каким он может стать, а ребенок видит мир таким, каков он есть на самом деле, то Дубравный не просто открывает мир ребенку или взрослому, он открывает общий мир, где деревья — и для взрослого — могут оказаться выше, дни — длиннее, а каждый новый день — сотканным из маленьких кусочков радости и открытий. Пускай с годами эти ощущения куда-то улечиваются, и мы смотрим на мир уже совершенно другими глазами, но память детства оживает в каждом из нас, когда мы обращаемся к книгам Е. Ф. Дубравного, где в неразрывном родстве находятся человек, птицы, деревья, звери и многочисленные воплощения природы как колыбели жизни.

Литература

1. Дубравный Е. Ф. Босоногая радость : рассказы, стихи, повесть / Е. Ф. Дубравный. — Белгород : Изд-во Шаповалова, 2007. — 224 с.
2. Ищенко Н. Н. Исповедальность рядом с целомудрием / Н. Н. Ищенко // Звонница. — 2004. — № 5. — С. 108–116.